

7. Ionin L. *Aptdeyt konservatizma* [Aptdeyt conservatism]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, 304 p.
8. Kosov G. V. Transformatsionnye protsessy globalnogo sotsialno-politicheskogo prostranstva [Transformation processes of global socio-political space]. *Vlast* [Authority], 2013, no. 3, pp. 63–66.
9. Krauch K. *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, 192 p.
10. Syuria M. *Dengi: krushenie politiki* [Money: the collapse of politics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 138 p.
11. Khabermas Yu. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimation of late capitalism]. Moscow, Praxis Publ., 2010, 272 p.
12. Hyland J. L. *Democratic Theory: The Philosophical Foundations*. Manchester, Manchester Univ. Press Publ., 1995, 224 p.
13. Klein H. The Right to Political Participation and the Information Society. *Presented at Global Democracy Conference*. Montreal, 2005.
14. Nickel J. Human Rights. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. *Summer Edition*. Ed. by N. Edward. Stanford University Press, 2003..

ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Козлова Н.Н.

Российская Федерация, г. Тверь

В данной статье автор анализирует соотношение традиций и инноваций в концепции византизма российского консерватора К.Н. Леонтьева. Автором сделаны выводы о доминировании в теории мыслителя традиционных ценностей в конструировании российской политики. Автор заключает, что Леонтьев относится к теоретикам консервативной модернизации.

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, традиция, монархия, византизм

TRADITION AND MODERNIZATION IN K. N. LEONTIEV'S POLITICAL THEORY

Kozlova N.N.

Tver, Russian Federation

In this article, the author analyzes the relationship of tradition and innovation in K.N. Leontiev's theory of byzantinism. The author arrives at the conclusion that in the thinker's theory prevail traditional values in the construction of Russian politics. The author classifies as Leontiev a conservative modernization theorist.

Keywords: conservatism, modernization, tradition, the monarchy, Byzantium

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) – русский мыслитель XIX в., один из представителей консервативной политической мысли пореформенной России. Творчество Леонтьева стало настолько популярно в постсоветскую эпоху в отечественном гуманитарном знании, что некоторые исследователи утверждают наличие такого феномена как «леонтьевский ренессанс» [35, с. 5] и формирование новой исследовательской школы – «леонтьевоведения» [34, с. 130]. В современной России философ обрёл славу, о которой мечтал при жизни. По меткому выражению А.П. Козырева Константин Леонтьев в «зеркала наследников» не просто оброс мифами в толкованиях и интерпретациях, он сам стал мифом, одновременно манящим и устрашающим, а его имя – культурным символом [14, с. 417].

Все исследователи творчества мыслителя солидаризируются в признании своеобразия его идей, оригинальности его подхода к рассмотрению социально-политических проблем России [12, с. 49]. Наследие философа заслужило в научной и публицистиче-

ской среде такие эпитеты как «самобытные идеи» [7, с. 75], «исключительное явление» [32, с. 236], «оригинальные произведения» [25, с. 20; 21, с. 427], а сам Леонтьев был назван «проповедником, создавший глубоко своеобразный мир идей» [12, с. 49–50], «художником мысли» [33, с. 160], «самородком» [3, с. 378], «острым умом» [27, с. 181] и «уникальным мыслителем» [5, с. 17] и «ярким талантом» [15, с. 6].

По мнению русского философа Вл. Соловьев, которого связывали с Леонтьевым дружеские отношения, самобытность творчества и талант Константина Николаевича были направлены на выражение консервативного мировоззрения [26, с. 562]. В «Записках отшельника» (1861) сам автор идентифицировал себя с консерваторами: «И дай Бог, чтобы впредь мы, т. е. все те, которых зовут обыкновенно (хотя и не совсем правильно) "консерваторами", – стали бы внимательнее прежнего друг к другу и не дожидались бы смерти того или другого из них, чтобы воздать справедливость» [18, с. 499]. Ряд исследователей полагает, что именно Леонтьев стоит у истоков русского консерватизма [10, с. 121], желая дать самодержавию новое идейное оружие [24, с. 13] и даже возглавить реакцию [40, с. 88]. Н.А. Рабкина точно резюмирует политическое кредо мыслителя, утверждая, что он выступал «патриотом и трубадуром сильной российской государственности, монархической автократии, в коей официальной православной церкви отведена подчиненная роль, где вся социальная жизнь должна иметь строгую иерархически-конусообразную застывшую форму» [22, с. 42].

Политическое мировоззрение Леонтьева складывалось на протяжении всей его жизни. Многие исследователи считали и считают, что биография и личность самого философа – ключ к пониманию его концепции [33, с. 163; 16, с. 6]. На мой взгляд, биография Леонтьева-мыслителя – это биография ищущего духа, поскольку на протяжении своей 60-летней жизни был и писателем, и врачом, и консулом, и цензором, и помещиком, и публицистом, и монахом. Совмещение поисков личного душеспасения с социальным конструированием [1, с. 31] в его личности отразило одну из характерных черт истории отечественной мысли, которую выявили современные исследователи В.И. Коваленко и Е.Н. Мошелков: «История российской мысли напоминает нам о том, как много было написано о русской душе, сгорающей в пламени искания абсолютной правды, разрешения непременно конечных вопросов о смысле жизни» [13, с. 13].

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 г. в селе Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии в семье дворян, которые владели 70 крепостными крестьянами. По выражению современника Леонтьева Л.А. Тихомирова, в этой социальной среде он усвоил «прирожденную власть, стародворянскую тонкость вкуса, а также стародворянскую распушенность» [29, с. 8]. Мыслитель не имел академического гуманитарного образования, закончил медицинский институт, и после Крымской войны, занимаясь медицинской практикой, обратился к литературному творчеству. Для этого периода жизни для Леонтьева были характерны либеральные установки, вера в свободу и прогресс. Время счастливого для Леонтьева перелома, по выражению самого мыслителя [9, с. 464] пришлось на начало 1860-х гг. и в следующий этап своей жизни – консульскую жизнь, «период высшего цветения жизни мыслителя в миру» [1, с. 51]. Леонтьев вступил идейно оформленным консерватором. Во время пребывания в Греции в 1871 г. Леонтьев пережил духовный перелом, после которого оставил карьеру ради религии [26, с. 563] и вступил «в патриархат» – «под начало отцов» на Афоне [8, с. 421]. В 1874 г. он написал свой основной труд «Византизм и славянство», идеи которого развивал в своих последующих произведениях. Некоторые исследователи рассматривали концепцию византизма как необходимый этап развития русского самосознания, как новую фазу в развитии славянофильского учения [28, с. 882; 12, с. 50–51; 32, с. 124], хотя находили и существенные отличия от последнего [1, с. 129]. На мой взгляд, социально-политические взгляды Леонтьева вполне вписываются в концепцию консервативной модернизации, сущность которой состоит в совмещении ценностей национальной культуры и экономической и политической мощи российского государства в его движении вперед [36, с. 31–36; 4, с. 48].

Реформы Петра I и последующих российских императоров привели к значительным изменениям в социально-политическом развитии страны, которые их современники обозначали как проблемы «новой России» [11]. В общественно-политической мысли активно обсуждались соотношение традиций и инноваций, природа и направленность реформ, их совместимость с традиционными принципами отечественной политики, а также дальнейшие перспективы развития российской державы.

В современной политической науке проблемы развития «новой России» рассматриваются в рамках теории модернизации. Модернизация в широком смысле является синонимом прогресса и означает движение общества вперед, в узком смысле этот термин тождественен «современности» и как процесс обозначает трансформацию общества от традиционного к индустриальному [37, с. 170]. Поскольку модернизация началась в странах Западной Европы и Северной Америки, то в странах «догоняющего развития», в том числе и в России, она выступила в форме вестернизации. Ш. Эйзенштадт так пишет по этому поводу: «Исторически модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие страны» [38, с. 97].

Рецепция Россией новых европейских принципов социального бытия породила защитную реакцию традиционной русской культуры со стороны консервативного лагеря российской политической мысли. Современный российский исследователь В.М. Камнев следующим образом определяет отношение консерваторов к модернизации: «Чередование реформ и контрреформ в модернизационном цикле создает питательную почву для русского консерватизма. Он, с одной стороны, поддерживает модернизацию в той мере, в которой она осуществляется государством, а не суммой автономных индивидов, с другой – оказывается в оппозиции к модернизации в той мере..., в какой субъект модернизации, вооруженный западническими, либеральными или социалистическими идеями, прибегает к насилию над обществом» [10, с. 114]. С точки зрения Камнева, К.Н. Леонтьев относился к тому типу русских консерваторов, который выступал как защитник общества от государства. Для Леонтьева было очевидно, что величие России в ряду стран определялось не социальным и техническим прогрессом, а национальным своеобразием, «без которого можно быть большим, огромным государством, но нельзя быть великой нацией» [19, с. 121–122]. Поэтому мыслитель выдвигал следующие требования к циркулирующим в российском публичном пространстве идеям: «Истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения» [18, с. 481]. К.Н. Леонтьев полагал, что «на месте стоять - нельзя; нельзя и восстанавливать то, что раз по существу своему утрачено (например, дворянские привилегии в прежней их форме); но можно и должно, одной рукой - охраняя и утверждая святыню Церкви, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки быта нашего, другою - двигать нацию вперед совсем не по западному и тем более не по либеральному пути» [18, с. 482]. Таким образом, философ решал в своём творчестве две взаимосвязанные задачи: во-первых, обоснование необходимости консервации традиционных ценностей российской цивилизации; во-вторых, содержательное наполнение проекта незападного, нелиберального развития, которое, по сути, возвращало Россию к истокам, но предполагало некоторые элементы обновления. Остановимся на каждой задаче подробнее.

Защита ценностей традиционного общества вытекала из социально-политической концепции Леонтьева, получившей название византизм. В центре размышлений Леонтьева – судьба России как великого государства и русского народа как великой, самобытной нации [17, с. 10; 1, с. 127], перед которыми Леонтьев ставил имперские цели – из «последних стать первыми» в мире [18, с. 482].

В отличие от других российских мыслителей, критикующих византизм за его коварство, лживость, формализм [30, с. 513], Леонтьев придал византизму позитивное значение, противопоставив его принципам цивилизации Запада: «Византизм есть, прежде всего, особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия [18, с. 33]. Византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов» [18, с. 33]. Называемые автором самодержавие и православие уже рассматривались в работах консерваторов первой половины XIX в. как специфические принципы российской культуры, но именно Леонтьев укоренил их в византийскую почву, обозначив восточные, а не европейские корни российской цивилизации.

По мнению Леонтьева, византизм утвердился на Руси со времён Великого Князя Московского, патриархально и наследственно управлявшего Русью и с тех пор «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [18, с. 44]. Поэтому мыслитель полагал, что сильны и могучи в России «только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир», а «измена византизму приведёт к гибели Отечества» [18, с. 59].

Желание прояснить истоки самобытности России и перспективы её развития, подвигли Леонтьева вписать российскую политику в более широкий контекст исторического развития, показав на её частном случае проявление общих закономерностей природной и социальной жизни. В сформулированной мыслителем натуралистической теории общества, названной Бердяевым «общественной морфологией» [1, с. 97], построенной на активном заимствовании близких мыслителю как врачу биологических, медицинских терминов, выводились всеобщие законы для развития и разложения всего существующего, и жизни человеческих обществ, государств и целых культурных миров, которые сводились к триединому процессу: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения [18, с. 102].

По подсчётам мыслителя, долговечность государственных организмов составляет 1000 или много 1200 с небольшим лет [1, с. 112], и поэтому «Европа в XIX в. переступила за роковые 1000 лет государственной жизни», перешла к этапу вторичного смешения и распространению однообразия, который он сравнил с «патологическим процессом, ведущего шаг за шагом сложный организм к вторичному упрощению трупа, остова и праха» [18, с. 127]. Он считал, что европейские государства испортили ту государственную форму, которая выработалась в период цветущей сложности под влиянием ложно понятых англо-саксонских конституционных идей [18, с. 128], и которые, в свою очередь, Европа распространяет на Россию, разлагая её византийские основы её социального бытия.

Леонтьев критиковал проводящих реформистскую политику российских самодержцев, которая привела к тому, что «европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ», «мы стали воспринимать европейские идеи как развитие, а надо как гниение», «в умах наших до сих пор царит смута; в чувствах наших – усталость и растерянность» [18, с. 613]. По мнению мыслителя, альтернативные пути развития России сводились к двум моделям. Первая модель, осуждаемая автором, заключалась в дальнейшем следовании «либеральному гниению, долженствующим разрешиться, вероятно, очень быстро торжеством нигилистической проповеди» [18, с. 486]. Второй путь, одобренный мыслителем, состоял в «охранительно-прогрессивном, или даже, вернее сказать, – реакционно-прогрессивном направлении» [18, с. 481] развития отечественной политики.

Понимая, что Россия стареет так же как и Европа [18, с. 607] и согласно его собственной концепции также будет переживать третью фазу развития, Леонтьев пред-

лагал «для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста» «подморозить хоть немного Россию, чтобы она не "гнила"» [18, с. 610]. Соответственно основными векторами в достижении успеха в этом направлении было противодействие европейскому либерализму («закрыть окно в Европу» [39, с. 104]) и укрепление византийских основ российского общества.

Леонтьев полагал, что в современном ему российском обществе таился «огромный запас охранительных сил», т.е. множество людей, искренно желающих, чтобы те основы, развитие которых создало могущество Русского государства и укрепило нравственный строй общества нашего, оставались по возможности незыблемыми [18, с. 480]. Для борьбы с либерализмом философ предлагал создать в духе консервативной модернизации *«истинно-русский и вместе с тем вполне современный (выделено мной. – Н.Н.) орган печати»* [18, с. 481].

Прогрессивно-охранительный, антилиберальный идеал развития России возможно реализовать согласно Леонтьеву только при наличии двух условий – «смелости власти и покорности общества и народа» [18, с. 482]. «Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии, необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и страшен, и любим, – необходима прочность строя, меньшая переменчивость и подвижность его; необходима устойчивость психических навыков у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины», – писал философ [18, с. 615].

Леонтьев подходил к обоснованию ценности российского самодержавия с функциональных и социально-психологических позиций, ставших со времён Н.М. Карамзина традиционными для русской политической мысли. Мыслитель конкретизировал мысль Николая Михайловича о том, что самодержавие – палладиум России [11, с. 106], отмечая «спасительность Самодержавной мощи» для российского государства [18, с. 482]. Для демонстрации истинности своего тезиса о плодотворности царизма Леонтьев заимствовал исторический материал: «Крещение Руси было дело правительства. Собрание Руси – тоже; правительством было постепенно утверждено крепостное право – право столь спасительное в свое время и даже столь культурное» [18, с. 484].

В «Византизме и славянстве» Леонтьев стремился показать, что исторически российское государство оформилось как самый мощный институт, благодаря чему оно и способно поддерживать порядок: «Государство у нас всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи... Монархическое начало является у нас единственным организующим началом, главным орудием дисциплины...» [18, с. 44].

Леонтьев считал государство главным субъектом модернизации, акцентируя внимание на насильственные методы управления обществом: «Но что же делать с русским обществом, если его историческое воспитание таково, что оно без правительства ничего хорошего сделать не умеет, несмотря на все свои "конституционные" и тому подобные претензии. Все великое и прочное в жизни русского народа было сделано почти искусственно и более или менее принудительно, по почину правительства» [18, с. 486]. Также как и Карамзин, мыслитель настаивал на том, что самодержавная власть может делать всё, но только не ограничивать себя: «Мы должны рассуждать так: "Русский Царь по существенному атрибуту Его власти, по основным законам государства имеет право на всякое действие, кроме одного – кроме действия самоограничения... Самодержец не может перестать быть Самодержцем"» [18, с. 407]. В целях сохранения современного Леонтьеву российского общества, учитывая возрастающую сложность стоящих перед ним проблем, мыслитель настаивал, что «только одна могучая Монархическая власть, ничем, кроме собственной совести не стесняемая, освященная свыше религией, благословенная Церковью, только такая власть может найти практический вывод из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения капитала и труда» [18, с. 483]. Помимо применения внешнего насилия

деспотического государства над подданными, которое И. А. Голосенко удачно охарактеризовал как осуществление государством «функции кары божьей» [18, с. 253]. Леонтьев проповедовал и внутреннюю репрессию – религиозно-аскетическое самостязание. Отмечая, что во всех сферах Леонтьев ценил принудительный характер, современники мыслителя подвергали критике предлагаемые Леонтьевым методы, называя их аракчеевщиной и аморализмом [30, с. 525; 2, с. 266; 26, с. 563; 25, с. 239].

Отсюда Леонтьев выводил необходимость политического неравенства и невозможность демократизации российской политической системы: «Практическая мудрость народа состоит именно в том, чтобы не искать политической власти, чтобы как можно менее мешаться в общегосударственные дела. Чем ограниченнее круг людей, мешающихся в политику, тем эта политика тверже, толковее, тем самые люди даже всегда приятнее, умнее» [18, с. 59]. Таким образом, справедливо отмечает В.М. Камнев, царь правит не в соответствии с волей народа, но с исповедуемой всем народом религиозной правдой, до идеала которой эмпирическая народная воля почти никогда не дорастает [10, с. 159].

Леонтьев находил специфику русской политической культуры в особом пиетете к государству со стороны как привилегированных, так и непривилегированных классов: «Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомazanного Государя и давней привычкой повиноваться Его слугам, чем какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона. Известно, что русский человек вовсе не умерен, а расположен, напротив того, доходить в увлечениях своих до крайностей. Если бы Монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не Сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности, русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться» [18, с. 482]. Поэтому одна из задач самодержавия – подавление «тёмных» сторон человеческого сознания, сдерживание хаоса и стремления к разрушению, которые скрываются в человеческой душе [23, с. 127]. Любая попытка изменить форму государства, ввести вместо монархии республику, привела бы к созданию у подданных особой психологической установки, направленной на нетерпимость власти и ведущую к хаосу: «Повиновение русскому человеку (мы говорим человеку русскому вообще, а не одному простолюдину), в случае конституционной реформы, перестало бы нравиться, как нравиться еще оно ему теперь».

Леонтьев разделял идеи Достоевского, что русский народ является народом "богоносцем». Для выполнения этой особой миссии русский народ «должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен» [8, с. 614]. Смирение и покорность – это те качества, которые, по мнению Леонтьева, составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом [16, с. 614]. Мыслитель считал, что данные черты, а также «страх добрый, честный и высокий, страх полурелигиозный, растворенный любовью, тот род страха, который ощущает и теперь еще истинный русский при одном имени русского Царя», должна прививать обществу православная церковь [18, с. 389]. Таким образом, Леонтьев эстетизировал отношения принуждения и репрессивные способы управления обществом. Описание Леонтьевым политической, а вернее аполитичной культуры русского народа позволяет исследователям сделать вывод, что русский народ во многих отношениях был народом-младенцем по врожденной простоте души, сохранившейся почти нетронутой под крылом опекающей, покровительственной власти [10, с. 162; 23, с. 125].

Для формирования охранительно-прогрессивного идеала Леонтьев отмечал необходимость антипросвещенческого характера государственной политики. Если ранние консерваторы утверждали, что школы бородам не мешают [11, с. 33], то Леонтьев критиковал сложившуюся на основе либеральной западной науки российскую систему образования, которая внушала ученикам ложные понятия о рае на земле, о равноправности, о все-

общем мире и пр. [18, с. 329]. Он утверждал, что поскольку русская элита находилась «под влиянием англо-французского воспитания, нигилизма, польского мятежа и европейской злобы», то обязательное обучение народа привело бы к распространению космополитизма и губительное бы отразилось на национальной культуре [19, с. 119]. Леонтьев резюмировал свои идеи в «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» следующим образом: «Поменьше прав и поменьше податей; поменьше школ и побольше церквей и монастырей; поменьше кабаков и побольше хороших больниц; поменьше судебных любезностей и побольше "земли", где можно и когда можно. Побольше местного самоуправления с мужицким оттенком в уездах и побольше отеческого самоуправления в высших сферах власти» [18, с. 483]. Таким образом, охранительная, реакционная часть будущего идеала России, способы её подмораживания были прописаны мыслителем достаточно чётко.

Движение России вперёд для Леонтьева было тесно связано с признанием её лидером на мировой арене, с удовлетворением её имперских амбиций. Служа на дипломатическом поприще на Балканах, Леонтьев внимательно изучил «восточный вопрос» и предложил свою, отличную от официально-государственной, панславистской, доктрину внешнеполитической деятельности России. Мыслитель предлагал изменить политику в отношении некоторых «братьев-славян», утверждая, что родство славян по крови само по себе ценности не имеет: «Любить племя за племя – тяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами» [18, с. 61]. С его точки зрения, западных славяне очень долго находились под влиянием римско-католической церкви, в результате чего сформировали отличную от русских духовную культуру. Для укрепления роли российского государства в Европе он предлагал активно распространять во всем славянстве древнее «святоотеческое христианство в наитеснейшем союзе с Восточно-Греческими Церквями» [18, с. 481].

Относительно обновления российского общества в его движении вперёд философ оставил отрывочные, разрозненные идеи. В частности, он утверждал, что «национальное своеобразие не может держаться одним охранением; обстоятельства вынуждают нередко принимать отчасти что-нибудь чужое для полного развития своего народного в высшее национальное» [19, с. 112–113]. Но конкретных критериев и ориентиров, что можно, а что нельзя России заимствовать из других культур, Леонтьев не выработал. В его произведениях встречаются идеи о допустимости экономических изменений в России: «Необходимо вступить решительным и твердым шагом на путь чисто экономических, хозяйственных реформ; необходимо опередить в этом отношении изношенную духом Европу» [18, с. 482]. Однако и в этом случае ничего конкретного, кроме «привинчивания» крестьян к земле, а земли к дворянству [20, с. 204–205], мыслитель не предлагал.

В результате, размышляя о новых путях в науке и философии, новых формах искусства, которые в совокупности заключались бы в одном «общем и всеобъемлющем идеале: новой, независимой, оригинальной культуре» [18, с. 502], мыслитель подразумевал только дальнейшую эволюцию византийских принципов – правильное развитие православия, всемогущество в делах международных и пр. Таким образом, «обновление нашего быта» как задача, которую поставил Леонтьев, не была им решена. Подводя итог относительно предложенных Леонтьевым соотношения традиционных и новаторских элементов в российской политике, можно однозначно сделать вывод о доминировании первых. Критика либеральной трактовки прогресса, обоснование необходимости сохранения самодержавия с функциональной, социально-психологической и эстетической позиций, значительная роль насилия и репрессии в управлении государством вкупе с имперским видением роли России в мире в её движении вперёд на основе традиционной русской культуры позволяют квалифицировать концепцию Леонтьева как консервативную модернизацию.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – Кн. 2. – С. 29–179.
2. Бердяев Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев. – Москва : Высшая школа, 1993. – 266 с.
3. Булгаков С. Н. Победитель-побеждённый (судьба К. Н. Леонтьева) // С. Н. Булгаков // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – С. 376–392.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – Москва : ОГИ, 1998. – 432 с.
5. Говоруха-отрок Ю. Н. Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева / Ю. Н. Говоруха-отрок // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – Кн. 1. – С. 15–19.
6. Голосенко И. А. К. Н. Леонтьев / И. А. Голосенко // Социологическая мысль в России. Очерки немарксистской социологии последней трети XIX века – начала XX века. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 244–254.
7. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – Москва : Республика, 2005. – 368 с.
8. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество / Ю. П. Иваск // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – Кн. 2. – С. 229–699.
9. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева. Публикация О. Е. Майоровой // Лица: биографический альманах. – Москва – Санкт-Петербург : Феникс, Atheneum, 1995. – С. 453–472.
10. Камнев В. М. Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма / В. М. Камнев. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 470.
11. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении / Н. М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991. – С. 111.
12. Кириллова Е. А. Необходимый момент в истории русского самосознания (философско-историческая концепция К. Леонтьева) / Е. А. Кириллова // Вестник МГУ. Серия 7. – 1990. – № 5. – С. 49–57.
13. Коваленко В. И., Моцелков Е. Н. Российская государственность: идеология и самосознание народа / В. И. Коваленко, Е. Н. Моцелков // Вестник МГУ. Серия 12. – 1993. – № 2. – С. 3–15.
14. Козырев А. П. Послесловие. Константин Леонтьев в «зеркала» наследников / А. П. Козырев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – С. 417–435.
15. Косик В. И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? / В. И. Косик // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – Москва : Республика, 1996. – С. 5–12.
16. Котельников В. А. Парадокс о писателе / А. В. Котельников // Леонтьев К. Н. Египетский голубь: роман, повести, воспоминания. – Москва : Современник, 1991. – С. 3–17.
17. Кочетков В. Жизнь и судьба неузнанного гения / В. Кочетков // Леонтьев К. Н. Записки отшельника. – Москва : Русская книга, 1992. – С. 5–18.
18. Леонтьев К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 728 с.
19. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах / К. Н. Леонтьев – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2007. – Т. 7, кн. 1. – 560 с.
20. Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах / К. Н. Леонтьев – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2007. – Т. 8, кн. 1. – 639 с.
21. Мещеряков Н. Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева, комментарии С. Дурылина / Н. Мещеряков // Литературное наследство. – Москва : Журнально-газетное объединение, 1935. – Т. 22–24. – С. 427–432.
22. Рабкина Н. А. «Византизм» Константина Леонтьева / Н. А. Рабкина // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 28–44.
23. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. – Москва : Academia, 2007. – С. 520.
24. Репников А. В. Константин Николаевич Леонтьев / А. В. Репников // К. Н. Леонтьев. Избранное. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 5–31.

25. Рубцова Т. Н. Концепция культуры К. Н. Леонтьева / Т. Н. Рубцова // Вестник МГУ. Серия 7. – 1991. – № 4. – С. 20–30.
26. Соловьев Вл. Леонтьев Константин Николаевич / Вл. Соловьев ; под изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона // Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург : Типолиитография И. А. Ефрона, 1886. – Т. 17/34. – С. 562–563.
27. Струве П. Б. Константин Леонтьев / П. Б. Струве // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 2. – СПб. : Из-во Рус. Христ. гум. ун-та, 1995. – С.180–186.
28. Тихомиров, Л.А. Летопись печати / Л. А. Тихомиров // Русское обозрение. – 1894. – Апрель. – С. 899–929.
29. Тихомиров, Л.А. Тени прошлого. К. Н. Леонтьев / Л. А. Тихомиров // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 2. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – С. 7–28.
30. Трубецкой С. Н. Противоречие нашей культуры / С. Н. Трубецкой // Вестник Европы. – 1894. – Кн. 8. – С. 510–527.
31. Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // С. Н. Трубецкой / К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, 1995. – С. 123–159.
32. Франк С. Л. Мирозерцание Константина Леонтьева / С. Л. Франк // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет, – Кн. 1. – С. 235–240.
33. Фудель И. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный университет. – Кн. 1. – С.160–180.
34. Хатунцев С. В. Общественно-политические взгляды и идейная эволюция К. Н. Леонтьева в 60 – начале 70-х гг. XIX века / С. В. Хатунцев // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 130–139.
35. Хатунцев С. В. Общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева в 50-е – начале 70-х гг. XIX века : автореф. дис... канд. ист. наук. / С. В. Хатунцев. – Воронеж, 2004.
36. Чернавский М. Ю. Традиционалистский и модернистский консерватизм XIX и XX веков / М. Ю. Чернавский // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 31–36 .
37. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
38. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
39. Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев (Русская политическая мысль XIX в. и её интерпретаторы) / А. Л. Янов // Вопросы философии. – 1969. – № 8. – С. 97–106.
40. Янов А. Л. Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х годов) / А. Л. Янов // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 61–88.

References

1. Berdyaev N. A. Konstantin Leontiev. Oчерk iz istorii russkoy religioznoy mysl'i [Konstantin Leontiev. Sketch of the history of Russian religious thought]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 2, pp. 29–179.
2. Berdyaev N. A. *O russkikh klassikakh* [About Russian classics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1993, 266 p.
3. Bulgakov, S. N. *Pobeditel-pobezhdennyi (sudba K. N. Leontieva)* [Winner-loser (fate Leontiev)]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 376–392.
4. Vishnevskiy A. G. *Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Hammer and ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, OGI, 1998, 432 p.
5. Govorukha-otrok Yu. N. Neskolkо slovo po povodu konchiny K. N. Leontieva [A few words on the passing of Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 15–19.
6. Golosenko I. A. K. N. Leontiev [K. N. Leontiev]. *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii. Oчерki nemarksistskoy sotsiologii posledney treti XIX veka – nachala XX veka* [Sociological thought in Russia. Non-Marxist sociology essays last third of the XIX century – beginning of XX century]. Leningrad Publ., Nauka, 1978, pp. 244–254.

7. Zenkovskiy V. V. *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian thinkers and Europe]. Moscow, Respublika Publ., 2005, 368 p.
8. Ivask Yu. P. Konstantin Leontiev. Zhizn i tvorchestvo [Konstantin Leontiev. Life and Work]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 2, pp. 229–699.
9. Mayorova O. Ye. Iz vospominaniy K. N. Leontieva [Memories of Leontiev]. *Litsa: biograficheskiy almanakh* [Management: a biographical anthology]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1995, pp. 453–472.
10. Kamnev V. M. *Khraniteli i proroki. Religiozno-filosofskoe sodержание russkogo konservatizma* [Khraniteli i proroki. Religiozno-filosofskoe sodержание russkogo konservatizma]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 470.
11. Karamzin N. M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii* [Note on Ancient and Modern Russia in its relation to political and civil]. Moscow, Nauka Publ., 1991, p. 111.
12. Kirillova Ye. A. Neobkhodimyy moment v istorii russkogo samosoznaniya (filosofsko-istoricheskaya kontseptsiya K. Leontieva) [Necessary moment in the history of Russian identity (philosophical-historical concept Leontiev)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova. Seriya 7* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 7], 1990, no. 5, pp. 49–57.
13. Kovalenko V. I., Moshchelkov Ye. N. Rossiyskaya gosudarstvennost: ideologiya i samosoznanie naroda [Russian state: ideology and consciousness of the people]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. Seriya 12* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 12], 1993, no. 2, pp. 3–15.
14. Kozyrev A. P. Posleslovie. Konstantin Leontiev v "zerkalakh" naslednikov [Afterword. Konstantin Leontiev "mirrors" heirs]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 417–435.
15. Kosik V. I. Konstantin Nikolaevich Leontiev: reaktionsner, prorok? [Konstantin Leontiev: reactionary Prophet?]. *Leontiev K. N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)* [K. N. Leontiev. East, Russia and the Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872–1891)]. Moscow, Respublika Publ., 1996, pp. 5–12.
16. Kotelnikov V. A. Paradoks o pisatele [The paradox of the writer]. *Leontiev K. N. Yegipetskiy golub: roman, povesti, vospominaniya* [K. N. Leontiev. Egyptian dove: a novel, stories, memories]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, pp. 3–17.
17. Kochetkov V. Zhizn i sudba neuznannogo geniya [Life and Fate of an unrecognized genius]. *Leontiev K. N. Zapiski otshelnika* [K. N. Leontiev. Notes hermit]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992, pp. 5–18.
18. Leontiev K. N. *Izbrannoe* [Starred]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 728 p.
19. Leontiev K. N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: in 12 vol.* [Complete Works and Letters: in 12 vol.]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2007, vol. 7, book 1, 560 p.
20. Leontiev K. N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: in 12 vol.* [Complete Works and Letters: in 12 vol.]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2007, vol. 8, book 1, 639 p.
21. Meshcheryakov N. Moya literaturnaya sudba. Avtobiografiya Konstantina Leontieva, kommentarii S. Durylina [My literary career. Autobiography Konstantin Leontiev, S. Durylin comments]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Newspaper and magazine association Publ., 1935, vol. 22–24, pp. 427–432.
22. Rabkina N. A. "Vizantizm" Konstantina Leontieva ["Byzantium" Konstantin Leontiev]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1991, no. 6, pp. 28–44.
23. Repnikov A. V. *Konservativnye kontseptsii pereustroystva Rossii* [Conservative concept of rebuilding Russia]. Moscow, Academia Publ., 2007, p. 520.
24. Repnikov A. V. Konstantin Nikolaevich Leontiev [Konstantin Leontiev]. *K. N. Leontiev. Izbrannoe* [K. N. Leontiev. Starred]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 5–31.
25. Rubtsova T. N. Kontseptsiya kultury K. N. Leontieva [The concept of culture Leontiev]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. Seriya 7* [Bulletin of Lomonosov Moscow State University. Series 7], 1991, no. 4, pp. 20–30.
26. Solovev VI. Leontiev Konstantin Nikolaevich [Konstantin Leontiev]. *Entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, I. A. Yefron Publ., 1886, vol. 17/34, pp. 562–563.
27. Struve P. B. Konstantin Leontiev [Konstantin Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 2, pp. 180–186.

28. Tikhomirov L. A. Letopis pechati [Chronicle print]. *Russkoe obozrenie* [Russian Review], 1894, April, pp. 899–929.
29. Tikhomirov L. A. Teni proshlogo. K. N. Leontiev [Shadows of the past. K. N. Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 2, pp. 7–28.
30. Trubetskoy S. N. Protivorechie nashey kultury [Contradiction of our culture]. *Vestnik Yevropy* [Bulletin of the European], 1894, book 8, pp. 510–527.
31. Trubetskoy S. N. Razocharovanny slavyanofil [Disappointed Slavophile]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 123–159.
32. Frank S. L. Mirosozertsanie Konstantina Leontieva [Worldview Konstantin Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 235–240.
33. Fudel I. Kulturnyy ideal K. N. Leontieva [Cultural ideal Leontiev]. *K. N. Leontiev: pro et contra*. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 1995, book 1, pp. 160–180.
34. Khatuntsev S. V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i ideynaya evolyutsiya K. N. Leontieva v 60 – nachale 70-kh gg. XIX veka [Political views and ideological evolution Leont'ev 60 - early 70-ies. XIX century]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2005, no. 10, pp. 130–139.
35. Khatuntsev S. V. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady K. N. Leontieva v 50-e – nachale 70-kh gg. XIX veka* [Political views Leont'ev in the 50s – early 70s. XIX century]. Voronezh, 2004.
36. Chernavskiy M. Yu. Traditsionalistskiy i modernistskiy konservatizm XIX i XX vekov [Traditionalist and modernist conservatism XIX and XX centuries]. *Sovremennaya nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Modern science: Actual problems of theory and practice. Humanities series], 2011, no. 3, pp. 31–36.
37. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy* [Sociology of social change]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 416 p.
38. Eyzentshadt Sh. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and the transformation of societies. Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999, 416 p.
39. Yanov A. L. Slavyanofily i Konstantin Leontiev (Russkaya politicheskaya mysl XIX v. i ee interpretatory) [Slavophiles and Konstantin Leontiev (Russian political thought of the XIX century. And interpreters)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1969, no. 8, pp. 97–106.
40. Yanov A. L. Tragediya velikogo myslitelya (po materialam diskussii 1890-kh godov) [The tragedy of the great thinker (based on discussions of the 1890s)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no. 1, pp. 61–88.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ PR И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Говорухина Каринэ Александровна, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: kereana@mail.ru

Исследование посвящено проблеме развития информационного общества, применения новых способов пропаганды и связи с общественностью в области политики. Особое внимание уделено информации, ставшей важным элементом управления общественными сферами. Выявлены особенности информационного общества в контексте глобализации. Автор показывает, что доступ к информации может привести к постепенному разрушению тоталитаризма и созданию продукта нового продукта – знания. Показано, что информационному обществу, благодаря PR и пропагандистских технологий навязывается политическая картина мира. Автор приходит к выводу, что в постиндустриальном обществе PR-технологии - сочетание виртуальных технологий и способов манипулирования СМИ. В статье анализируются пропагандистские технологии, которые используются в других видах массовой коммуникации. Отмечается